

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.111'04'37

РОЛЬ ДИСКУРС-АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИМЕН ОТВЛЕЧЕННОЙ СЕМАНТИКИ (на материале лексики морально-этической сферы)

М.Ю. Колокольникова

Саратовский государственный университет,
кафедра английской филологии
E-mail: marinaugustina@mail.ru

В статье рассматривается роль дискурс-анализа в исследовании исторического развития абстрактной лексики. Предметом изучения является функционирование единиц морально-этической сферы в западноевропейском средневековом религиозном дискурсе.

Ключевые слова: абстрактная лексика, историческое развитие, дискурс-анализ, религиозный дискурс, морально-этическая сфера.

The Role of Discourse-Analysis in the Investigation of the Historical Development of Abstract Lexis

M. Y. Kolokolnikova

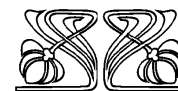
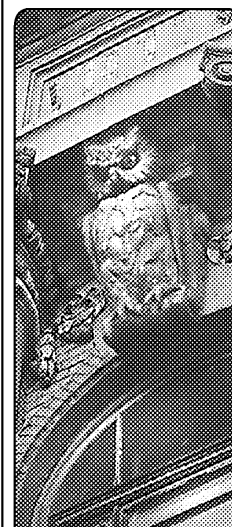
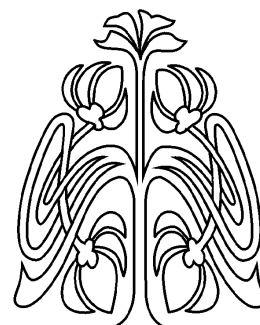
The article considers the role of discourse-analysis in the historical development of abstract lexis. The investigation focuses on the functioning of moral-ethical lexical units in the Western European medieval religious discourse.

Key words: abstract lexis, historical development, discourse-analysis, religious discourse, moral-ethical sphere.

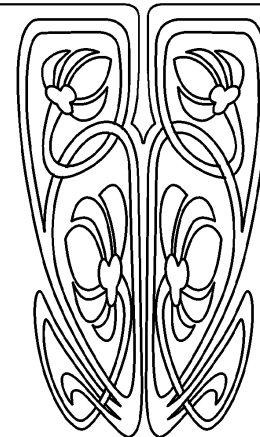
Со времени становления лингвистики как науки не теряет своей актуальности вопрос о природе языковых изменений, их причинах и конкретных механизмах. Особый интерес в этом отношении всегда вызывало исследование единиц лексического уровня, который, как хорошо известно, представляет собой самую подвижную часть языка, постоянно обновляющуюся и быстро реагирующую на все происходящие в обществе изменения социального и культурного характера.

На способность лексем к постоянному обновлению и модификации указывают многие авторы. «Слово то и дело погружается в какой-то новый контекст и выходит из него преображенным»¹. «В каждом акте речи заново воссоздается отношение номинации между означаемым и означающим. Здесь возможны малозаметные сдвиги, которые с течением времени могут привести к существенным семантическим изменениям. Таким образом, важнейшую роль в эволюции языка играет сам его носитель, пользующийся им говорящий субъект»².

Из приведенных и подобных им высказываний можно, прежде всего, сделать вывод о том, что хотя не все имеющие место в речи модификации с течением времени закрепляются в системе языка, но именно в речи, т.е. в реальных условиях общения, должно первоначально реализовываться любое изменение в системе. Поэтому представляется вполне закономерным, что в последнее время при изучении исторической эволюции смысловой структуры лексических единиц все чаще используется дискурс-анализ, задачей которого является исследование «устной и письменной языковой коммуникации, протекающей в нормальных, естественных условиях»³. Реализация этой задачи требует обращения не только к собственно лингвистическим контекстам, но и

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

к тем фрагментам социальной действительности, в рамках которых и обнаруживает себя проявление языка в действии.

Данный подход позволяет, в частности, изучать лингвистические механизмы развития смысловой структуры лексем в неразрывном единстве с глубинными причинами этого процесса, которые, как известно, по большей части лежат во внеязыковой действительности, в постоянно меняющихся потребностях в сфере общения и познавательно-мыслительной деятельности человека.

Эти потребности носят, несомненно, конкретно исторический характер и обусловлены свойственной каждой эпохе преимущественной ориентацией на те или иные области духовной и материальной жизни общества. Неслучайно поэтому, что многие исследователи указывают на связь между формированием и развитием отдельных участков лексики и существующими на данном хронологическом отрезке потребностями определенных сфер коммуникации, и в первую очередь тех из них, которые на тот момент являются наиболее востребованными и/или авторитетными в обществе.

Известно, например, что в период раннего Средневековья после принятия христианства и зарождения религиозного дискурса в лексической системе западноевропейских языков (имеется в виду главным образом романо-германский ареал) особенно динамичной была область отвлеченных понятий. Причем речь идет не только о собственно религиозном слое лексики (религиозной терминологии), но и об общеупотребительных лексических единицах и прежде всего о единицах морально-этической сферы, что было вполне естественным для эпохи, когда морально-нравственные представления были неотделимы от религиозных.

История языков рассматриваемого ареала свидетельствует также и о том, что процесс развития в них лексики морально-этического плана, ее выделения в самостоятельную лексико-семантическую группу носил довольно длительный и сложный характер. В этом нет ничего удивительного, поскольку сам факт принятия христианства не мог, разумеется, сразу же повлечь за собой смену мировоззренческих и поведенческих категорий. Поэтому процесс замены языческих представлений и установок христианскими продолжался в целом не одно столетие (хотя в разных странах и имел свою специфику).

На наш взгляд, здесь стоит принять во внимание и положение, согласно которому одной из универсалией языкового развития является его ретардационный характер в сравнении с эволюцией мышления. Показательным в этом отношении является следующее высказывание: «Ни в одной другой области языковые мифы не сохраняются так долго, как при описании духовной жизни человека, и именно к словам и выражениям, связанным с этой областью, можно отнести известное изречение, что, “думая, как Коперник, мы говорим, как Птоломей”»⁴.

В данной связи отметим, прежде всего, что на предшествующих ступенях развития большинства западно-европейских языков абстрактные лексические единицы в них отличались, как правило, крайне общим недифференцированным (диффузным) характером. Причем в их смысловой структуре могли совмещаться понятия, которые редко или почти никогда не совмещаются в семантике современных слов.

Сказанное в полной мере можно отнести и к лексемам, предназначавшимся для передачи эмоционально-психических состояний человека и его качеств. Между тем преимущественно именно эти единицы легли в основу морально-этической группы лексики.

Н.Ю. Гвоздецкая, изучавшая абстрактную лексику на материале древнегерманских языков, в одной из своих работ в качестве примера приводит древнеисландскую лексему *reiðr*, которая, в зависимости от контекста, могла передавать такие значения, как *гневный*, *рассерженный*, с одной стороны, и *печальный*, с другой. Сходным образом и родственное по происхождению древнесаксонское прилагательное *wrad* – это *печальный*, *гневный*, *враждебный*⁵.

Примечательно, что подобного рода явление обнаруживается и за пределами германской группы языков. Г. Гугенхайм, анализируя значения старофранцузских существительных *ire* и *coirgoix*, указывает на возможность совмещения понятий *печаль* и *гнев* в средневековом сознании. «С точки зрения психологии людей средних веков ... эти два понятия столь тесно соединены, что трудно определить всякий раз часть, которая принадлежит каждому из них»⁶.

Подобные факты дают исследователям основание делать вывод о том, что многозначность многих древних лексем сохраняет следы меньшего расчленения понятийной сферы средневековым мышлением. Здесь, в частности, можно привести и высказывание М.И. Стеблина-Каменского о том, что древние слова представляют собой «символы, приспособленные для выражения чего-то в сознании человека далекой от нас эпохи, сознании, совсем не похожем на наше»⁷.

Одной из характерных черт этого сознания является также и нечеткое противопоставление мира внешнего и мира внутреннего, человека действующего и человека чувствующего. На уровне лексики это находит свое отражение в способности многих абстрактных единиц служить наименованием как самих объективных событий и ситуаций, так и чувств, вызываемых ими.

В семантике древнеанглийского существительного *hete* (совр. англ. *hate*, *hatred*), например, понятие *ненависть* сочеталось с понятиями *вражда*, *борьба*, *война*, у древнеанглийского *sorg* (совр. англ. *sorrow*) понятие *печаль*, *грусть* – с понятием *беда*, *горе* (как событие), причем довольно трудно определить, имеем ли мы здесь дело с неким «сплавом» концептов или иерар-

хическим положением в смысловой структуре лексемы.

Однако в любом случае это еще раз доказывает тот факт, что на разных этапах исторического развития языка ему присущи разные типы полисемии. Так, С.Д. Кацнельсон отмечал, что полисемантизм позднейших эпох отличается от диффузности раннего времени⁸.

Показательным в этом отношении является и существительное *vite* (*wite*), которое встречается в старейшем английском памятнике религиозной литературы, поэме «Даниил», где оно употребляется в значении «страдания и наказания». Как отмечает в своей монографии Н.В. Феоктистова, «могут быть случаи акцентирования того и другого, но в целом трудно различимые». Поэтому автор далее особо подчеркивает, что существительное *vite* – это «пример образования широкого значения в довольно позднее время и свидетельствует о том, что ассоциации, не приводящие к выделению отдельного значения, имели место в течение всего древнеанглийского периода»⁹.

О диффузном характере семантики многих абстрактных лексем в староиспанском языке говорит Т.Б. Алисова, отмечая при этом, что «многие понятия, выраженные в современном языке однозначным (или почти однозначным) словом, в староиспанском передавались одним из значений многозначного слова»¹⁰. Абстрактное существительное *fe*, например, которое в старо-испанском включало в свою смысловую структуру ряд значений, а именно *vera*, *доверие*, *поручка*, к настоящему времени сохранило только первое из них (*vera*). Другие значения, присущие данному слову в староиспанский период, в современном испанском языке передаются с помощью лексем *fidelidad* (*верность*, *преданность*), *confianza* (*доверие*), *fianza* (*поручительство*, *поручка*), которые встречаются уже у Сервантеса.

Подводя итог всему вышесказанному, представляется вполне логичным предположить, что одним из основных (хотя, разумеется, и не единственным) направлений в эволюции единиц морально-этической сферы, как и всей отвлеченной лексики, была тенденция к дифференциации, уточнению их значений и одновременно к большему уровню абстракции, обобщению этих значений. В данной тенденции, по-видимому, находили свое отражение закономерности, связанные с развитием в изучаемую эпоху как языка в целом, так и самого религиозного дискурса.

Особенно заметным это становится в XIII–XV вв., что объясняется целым рядом причин религиозного, социального и культурно-языкового плана. Известно, например, что именно в это время в рамках теологии в качестве отдельной дисциплины выделяется этика, которая рассматривалась в первую очередь как путь различения добродетели и порока, путь, который через раскаяние и примирение с Богом ведет человека к Спасению.

Важное значение имело и установление в 1215 г. IV Латеранским собором таинства исповеди

(покаяния). Ведь от приступающего к данному таинству требовалось не только искреннее внутреннее раскаяние, но и определенный анализ собственных поступков, мыслей и чувств. И в этом мирянам во многом была призвана помочь получившая в то время широкое распространение в странах Западной Европы так называемая исповедальная литература, которая была представлена различными наставлениями и руководствами по подготовке к таинству покаяния. Подобные произведения обычно включали в себя подробное описание природы того или иного греха и его последствий. Большое внимание уделялось также и тем добродетелям, которые при помощи Бога позволяют человеку противостоять греху, являясь надежным «лекарством» против него.

Указанная тематика являлась ведущей и для других морально-дидактических разновидностей религиозного дискурса, которые в рассматриваемый хронологический отрезок тоже переживали период расцвета. К их числу принадлежали собрания проповедей, морально-нравоучительные трактаты, религиозно-дидактические поэмы и т.д.

Особое внимание следует, на наш взгляд, обратить на то, что данные произведения, предназначенные для широких масс населения, создавались, как правило, не на латыни, а на родных для них языках и диалектах, которые с этого времени начинают все более активно употребляться в религиозно-церковной сфере¹¹. Вполне естественно, что это вызывало потребность в увеличении количества лексических единиц, способных передавать в точной и по возможности однозначной форме все более усложняющиеся и все более отвлеченные морально-этические смыслы.

Это служило важным стимулом к появлению новых слов, в том числе и заимствованных, а также к дальнейшему семантическому развитию слов, уже имевшихся в языке. Важно подчеркнуть, что религиозный дискурс не только отбирал подобные лексемы из общеупотребительного словарного фонда, но и активно приспособливал их к своим целям и условиям общения, модифицируя их семантику, а со временем закрепляя результаты модификаций в системе.

Как можно предположить, в основе указанных процессов лежало прежде всего функционирование лексических единиц в типовых для них в рамках рассматриваемого дискурса контекстах употребления. Причем каждый из подобных контекстов отличался присущим ему набором постоянно воспроизводимых (хотя, разумеется, и с некоторыми вариациями) лексико-семантических, тематических и ассоциативных связей, способных уменьшать или увеличивать число компонентов смысловой структуры лексем, а также перегруппировывать их определенным образом.

В качестве примера приведем существительное *lust* (др.-англ., ср.-англ. *luste*, *lusst*, *louste*, *lost*), которое согласно лексикографическим источникам в древнеанглийский период, подобно другим отвлеченным именам, могло использоваться для

обозначения довольно широкого круга понятий, связанных с различными сторонами физической, духовной и эмоциональной жизни человека, а именно: *удовольствие, радость, желание, счастье, жизненная сила, энергия, жизнь, любовь, интерес к чему-то, увлечение чем-то, привлекательная внешность*. Уже сам этот перечень указывает на то, что первоначально существительное *lust* в аксиологическом плане было в целом нейтральным и приобретало положительную или отрицательную окраску в зависимости от реальной ситуации общения.

Опыт исследований показывает¹², что большинство из перечисленных выше значений лексемы *lust* продолжает реализовываться на протяжении всего среднеанглийского периода. Вместе с тем в это время, т.е. в XIII–XV вв., семантическая структура существительного начинает претерпевать значительные изменения, обусловленные, по-видимому, в первую очередь спецификой его функционирования в религиозном дискурсе, где наиболее типичными были контексты, связанные с темой греха и греховных наклонностей человека.

Особенно типичным для лексемы *lust* было использование в метатекстовых высказываниях, в которых объектом рефлексии являлось существительное *lechery*, служившее в средневековом религиозном дискурсе наименованием одного из семи смертных грехов – *похоти*.

В результате функционирования в подобных контекстах лексема *lust* начинает постепенно ассоциироваться преимущественно с плотскими, т.е. низшими желаниями и устремлениями человека, которые в религиозно-христианском дискурсе всегда в эксплицитной или имплицитной форме противопоставляются высшим, т.е. духовным.

Кроме того, в смысловой структуре существительного *lust* активизируются такие негативно окрашенные компоненты, как *чрезмерность, неумеренность, беззаконность*, что позволило ему в дальнейшем все чаще вступать в отношения семантической и функциональной эквивалентности с самим существительным *lechery*, а примерно с конца XV в. употребляться наряду с ним для обозначения греха *похоти*. Это позволяет говорить о том, что процесс специализации и уточнения значения слова *lust* сопровождался повышением уровня его абстракции, отвлеченности, о чем свидетельствует, в частности, постепенная утрата изучаемой лексемой формы множественного числа.

Примечательно, что толковые словари современного английского языка в качестве основного обычно фиксируют то значение существительного *lust* (*вожделение, похоть, неумеренное сексуальное желание, не связанное с чувством любви или привязанности*), которое выдвинулось на первый план именно в рамках средневекового религиозного дискурса. Что касается таких широко распространенных в древнеанглийский и среднеанглийский периоды значений, как *удовольствие, радость, склонность к чему-то, увлечение*, то они

если и приводятся в словарях, то всегда в качестве устаревших с пометкой *obs.* (уст.).

Постепенная утрата словом *lust* большей части тех значений, которые были присущи ему на более ранних этапах его развития, сопровождалась, как следует из всего сказанного выше, другим историческим процессом, а именно появлением у него устойчивой отрицательной морально-этической оценки, закрепленной в языковом узусе.

Описанные процессы были обусловлены, на наш взгляд, прежде всего высоким уровнем воспроизводимости и особой социальной значимостью типовых для лексемы в рамках религиозного дискурса контекстов употребления, направленных на формирование в средневековом обществе определенных морально-этических норм и установок. Это не могло не способствовать широкому распространению и в других общественных сферах употребления языка, где они выступали в качестве инодискурсных включений.

В связи с этим достаточно напомнить, что тема семи смертных грехов, которая сыграла важную роль в процессе специализации значения лексемы *lust*, была в XIII–XV вв. одной из ведущих тем западно-христианского дискурса в целом. Важно отметить и то, что вскоре эта тематика выходит за пределы собственно религиозного дискурса.

Ярким свидетельством здесь служат, в частности, «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера, особенно заключительный – «Рассказ Священника», который включает в себя подробное описание *семи смертных грехов*, а также наставления относительно того, как их избежать. Неудивительно поэтому, что в данном произведении, как и во многих других средневековых произведениях различной дискурсивной и жанровой разновидности, широко используются не только сами христианские темы и мотивы, но и традиционные для религиозного дискурса языковые средства их реализации, поскольку характерные для религии «заветные смыслы» неотделимы от их первоначальной формы выражения¹³.

Вместе с тем есть основания полагать, что конкретный характер протекания описанных выше процессов зависит не только от свойств дискурсного пространства, но и от природы самих лексем. Известно, в частности, что отдельные лексико-семантические группы и классы слов в ходе своей эволюции испытывают неодинаковую степень зависимости от факторов объективного и субъективного порядка. К последним прежде всего относится классифицирующая деятельность человеческого сознания. Давно замечено, что у одних и тех же объектов могут выделяться различные признаки, в результате чего даже при стабильности предметов (в широком смысле) объективного мира происходят изменения и сдвиги в системе их номинации.

Особую роль классифицирующая деятельность сознания играет в развитии смысловой

структуры абстрактных (отвлеченных) лексических единиц, являющихся названиями элементов нематериального духовного мира (чувства, ощущения, этические и эстетические понятия, создания человеческой фантазии). Их основным признаком, по мнению многих исследователей, является отсутствие денотата (нулевой денотат), который существовал бы в виде отдельного предмета объективной и непосредственно наблюдаемой действительности.

О подобных лексемах, созданных «языковым определением», говорят как о «нежестких десигнаторах». Их также называют номинальными, «ибо они вычлениваются самим существованием имени “по определению”, т.е. по совокупности выбранных признаков, которые сочтено необходимым подвести под одну крышу – тело знака – номинально»¹⁴.

Все это, безусловно, относится и к лексическим единицам морально-этической сферы, которые обозначают сущности, сконструированные нашим сознанием, и ориентированы не на объективный мир, а на познающего субъекта, проявляющего себя в дискурсивной деятельности. Этим в первую очередь и объясняется необходимость привлечения дискурс-анализа к изучению исторического развития семантики рассматриваемого типа лексем.

Именно дискурс-анализ позволяет, в частности, выявлять тематически ограниченные, но социально значимые группы контекстов, с которыми, как правило, оказываются связаны все первоначальные сдвиги в смысловой структуре лексем, ведущие к ее существенному преобразованию. Что касается отражения подобных изменений в языковом узусе, то этот процесс во многом зависит, как можно предположить, от частотности употребления указанных тематических контекстов как в самом дискурсе, так и за его пределами, где они способны функционировать в виде различного рода инодискурсивных включений, перенося в другие коммуникативные сферы характерные для него смыслы и понятия. В свою очередь, это влечет за собой и перенос специфических для данного дискурса лексических средств воплощения актуальных смыслов.

Сформировавшееся таким способом новое специализированное значение может закрепляться в узусе либо в качестве лексико-семантического варианта, занимающего периферийное положение в структуре слова, либо в качестве основного его варианта. Можно предположить, что для изучаемого слоя лексики характерен второй тип изменений, сопровождаемый обычно утратой словом большей части присущих ему ранее значений (лексико-семантических вариантов), поскольку процесс специализации рассматриваемых лексем основан не только на дифференциации и уточнении их значения, но и на появлении у них отчетливо выраженной оценочности, которая ведет к ограничению возможностей их применения.

Стоит отметить, что и сами единицы морально-этической сферы, разумеется, отличаются заметным разнообразием. Внутри них могут быть выделены группы, каждая из которых будет иметь свою специфику в плане эволюции. Однако в этой области, безусловно, еще необходимо специальное изучение значительного объема конкретного языкового материала.

Подобные исследования, направленные на выявление связей между конкретными типами семантической деривации и типами тематических контекстов и функционирующими в них ключевыми единицами, могут, на наш взгляд, помочь вскрыть некоторые закономерности хода исторического развития не только лексики морально-этической сферы, но и абстрактной лексики в целом в период перехода от средневекового типа сознания и осмысления действительности к мышлению Нового времени.

Примечания

- 1 Падучева Е.В. Глаголы создания образа: лексическое значение и семантическая деривация // Вопросы языкознания. 2003. № 6. С. 30.
- 2 Бородина М.А., Гак В.Г. К типологии и методике историко-семантических исследований (на материале лексики французского языка). Л., 1979. С. 100.
- 3 Макаров М.Л. Диалог с целью принятия решения. Опыт дискурсивной психологии // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 155–156.
- 4 Феоктисова Н.В. Формирование семантической структуры отвлеченного имени (на материале древнеанглийского языка). Л., 1984. С. 57.
- 5 См.: Гвоздецкая Н.Ю. К проблеме многозначности имен чувств в «Старшей Эдде» // Скандинавский сборник. Таллин, 1990. Вып. 32. С. 167.
- 6 Gougenheim G. Les mots Français dans l'histoire et dans la vie. Paris, 1962. P. 131.
- 7 Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Л., 1971. С. 7.
- 8 См.: Кацнельсон С.Д. Историко-грамматические исследования. Л., 1940. С. 105.
- 9 Феоктисова Н.В. Указ соч. С. 132.
- 10 Алисова Т.Б. Некоторые закономерности в процессе изменения значения слов и совершенствования словаря (на материале испанского языка) // Словарный состав и грамматический строй языка. М., 1956. С. 21.
- 11 См.: Schlauch M. Medieval English Literature and its Social Foundations. Warszawa, 1956. P. 152.
- 12 См.: Колокольникова М.Ю. Роль религиозного дискурса в историческом развитии семантической структуры лексемы *lust* // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. Сер. Филологические науки. 2009. № 2 (36). С. 122–126.
- 13 Мечковская Н.Б. Язык и религия: пособие для студентов гуманитарных вузов. М., 1998. С. 4.
- 14 См.: Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988. С. 166.